

ЖИВОЙ
ГРОБ.
ЧАСТЬ
2

Neon Room

18+

Живой Гроб

Neon Room

Живой Гроб. Часть 2

«Автор»

2026

Room N.

Живой Гроб. Часть 2 / N. Room — «Автор», 2026 — (Живой Гроб)

Он был человеком, стал монстром и нашёл в себе силы стать щитом. Сэм Реннер, бывший пыльник, теперь — живое воплощение Хаоса, чудовищный симбиот, защищающий последних выживших в руинах космической станции. Но его личная война только начинается. Телепатическая сеть Синдиката, поработившая миллиарды, дала трещину. Древний артефакт Садовников пробудил Призрака — коллективное сознание, рождённое из боли всех замученных. И этот Призрак не хочет быть оружием. Он хочет памяти. На окраинах системы появляется корабль Садовников. Не стерилизатор — оценщик. Приглашение брошено трём сущностям: Хаосу, Призраку и древнейшему архонту Ворону, который помнит ещё те времена, когда люди не были ни сорняками, ни рабами. Им предстоит войти в чёрный цветок и ответить на главный вопрос: что такое человечество — ошибка сада или новый плод, достойный жизни? Диалог с богами начинается. И первое слово — правда. Во всей её уродливой, прекрасной, хаотичной сложности.

Neon Room

Живой Гроб. Часть 2

Глава 1

Тишина после бури была хуже рева сражения. «Хаос», бывший «Кенотаф», замер среди обломков Фабrikатора, как раненый кит в облаке собственной крови. Его багровые жилы пульсировали неровно, светящиеся кристаллы тускло мерцали, словно звёзды на рассвете. Внутри, в кармане относительной стабильности, воздух пах озоном, пережжённой плотью и сладковатой пылью, которую до сих пор источали стены.

Шелдон сидел на обломке некогда хитиновой консоли, сжимая в дрожащих руках обгоревший планшет. Вейл стояла рядом, её обычно бесстрастное лицо было бледным, глаза пристально изучали данные сканера, который она направила на стену, медленно регенерирующую после удара Стерилизатора.

– Нейронная активность ядра стабилизируется на 34%, – проговорила она, не отрывая взгляда. – Но паттерны... они не корабельные. И не человеческие. Это что-то третье. Оно учится.

– Он, – поправил её хриплый голос из темноты.

Сэм не материализовался. Он просто стал – тенью, сгустившейся из багрового света и вибрирующего воздуха. Его форма была расплывчатой, словно проекция плохой голограммы, но глаза – два уголька нечеловеческого интеллекта – горели чётко. Он больше не пытался казаться человеком. Он был голосом Левиафана.

– Я слушал, – произнёс Хаос. Звук шёл не из одной точки, а из стен, из пола, из самого воздуха. – Ты говорил о рисках, Шелдон. О подключении к нервным узлам. Но ты не сказал главного.

Шелдон поднял взгляд. Его собственное отражение в стеклянной поверхности планшета было искажено, но он видел в нём не учёного, а старика, раздавленного грузом собственных решений.

– Главного? – переспросил он, и голос его дрогнул.

– Ты знаешь, как её сломать, – тихо сказал Сэм. – Телепатическую сеть. Ты знаешь её слабое место. Потому что ты её строил.

Тишина повисла плотной пеленой. Вейл медленно опустила сканер, поворачиваясь к Шелдону. В её глазах не было удивления – лишь холодное понимание.

– Доктор Шелдон? – её голос был ледяным. – Это правда?

Шелдон закрыл глаза. Перед ним пронеслись образы, которые он десятилетиями запирали в самом дальнем уголке памяти: молодое, ещё не обезображенное цинизмом лицо; чертежи,

нарисованные от руки на настоящей бумаге; восторг открытия, смешанный с ужасом перед тем, что они могут натворить.

– Я был частью команды «Арахна», – начал он, и слова давили на грудь, как пудовые гири. – Синдикат только формировался. После Великого Удушья нужен был абсолютный контроль. Мы нашли артефакты... то, что потом назвали дарами Садовников. Я расшифровывал нейронные коды. Я понял, как можно не просто читать мысли, но и вплетать в них эмоции. Как создать... общий разум.

Он открыл глаза, глядя прямо на призрачный силуэт Сэма.

– Я разработал архитектуру сети. Нейролингвистические протоколы, импринт-матрицы, систему резонирующих узлов. Без меня не было бы ни Блаженных, ни Кураторов, ни этого ада единопущия. Я... я думал, что спасаю человечество. Что порядок – единственный способ выжить.

– Ты создал клетку, – прорычал Хаос, и стены содрогнулись. – Для миллиардов. Для моих родителей!

– Да, – просто сказал Шелдон. В его голосе не было оправданий. Только усталость. – И я знаю, как её разобрать. Не просто отключить. Уничтожить. Я заложил в ядро сети «чистый код» – протокол самораспада на случай, если сеть выйдет из-под контроля Синдиката и станет угрозой... или если Садовники решат, что она слишком опасна. Ключ – это ритм. Нейронный паттерн, который нельзя симитировать, потому что он основан на моей собственной энцефалограмме в момент творческого пика. Они думали, что это пароль. На самом деле – это вирус.

Вейл сделала шаг вперёд. Её глаза сузились.

– Ты говоришь о «Симфонии Распада». Легенда из старых отчётов ЦКИ. Её считали мифом.

– Это не миф, – покачал головой Шелдон. – Это закладка. И я знаю, как её активировать. Но для этого мне нужен доступ к главному узлу сети. К Церебрусу. Он находится не в Некрополисе. Он на Эдеме-Прайм, в самом сердце Крипты Доноров.

Сэм медленно материализовался чуть чётче. Его черты были искажены, но в них можно было угадать тень того, кем он был: Сэма Реннера, Пыльника с пытливым умом.

– Ты предлагаешь нам атаковать Эдем-Прайм, – произнёс он. Это не был вопрос.

– Нет, – резко сказал Шелдон. – Я предлагаю мне сдаться. Пусть они думают, что я хочу вернуться, раскаяться. Они возьмут меня в Крипту – для допроса, для стирания, не важно. Я доберусь до Церебруса. А вы... вы ударите снаружи, когда сеть начнёт рушиться.

– Самоубийственная миссия, – холодно констатировала Вейл.

– Искупление, – поправил Шелдон. – И шанс. Если сеть падёт, Синдикат потеряет контроль над миллиардами Пыльников. Над Блаженными. Над самой элитой. Это будет хаос, но

хаос свободный. А без сети... без сети Садовники потеряют интерес. Мы перестанем быть сорняком. Мы станем просто... людьми. Снова.

Хаос задумался. Его форма колыхалась, как пламя. Где-то в глубинах его существа два слабых сигнала – Марта и Келл – пульсировали в такт его мыслям.

– Они тебя убьют, – сказал Сэм. – Или сделают хуже, чем мёртвым.

– Возможно, – кивнул Шелдон. – Но у меня есть долг. Перед тобой. Перед ними. Перед всеми, кого я превратил в пыль.

Эдем-Прайм. Зал Ареопага.

Новый голос звучал в Совете, и звучал он иначе – не холодно, как у Кассиана, и не цинично, как у Сириуса, а с медной, вибрирующей нотой, напоминающей гул далёкого реактора.

– Мы ошиблись в оценке угрозы, – произнёс Архонт Юпитер.

Он был новым, но не молодым. Его тело, идеальное, как у всех Неприкасаемых, было облачено в тяжёлые, тёмно-бордовые одежды, расшитые золотыми нитями, изображающими схемы нейронных связей. Его лицо было массивным, с тяжёлым подбородком и глубоко посаженными глазами цвета жидкого янтаря. Он не сидел – он стоял у центрального голоплато, и его присутствие заполняло зал.

– Ошиблись? – переспросил Кассиан, его индиго-одежды мерцали от раздражения. – Мы следуем протоколу. Клинки активированы. Сеть стабильна.

– Сеть трещит по швам, – возразил Юпитер, не повышая голоса. – Вы видели отчёты Нексуса. Аномальная активность в секторе Альфа-Некрополис – не просто помехи. Это эхо. Эхо того, что мы пытались забыть.

Сириус фыркнул, его белые одежды вспыхнули розовым.

– О, ещё один ностальгирующий по старым кошмарам. Мы уже слышали это от Ворона.

Ворон, чьи чёрные одеяния словно поглощали свет, медленно повернул голову.

– Юпитер прав. Шум в сети – не просто шум. Это воспоминание. И оно связано с Шелдоном.

Имя прозвучало, как удар колокола. Кριο, архонт в голубом, вскипел.

– Предатель! Его нужно стереть! И того монстра, которого он создал!

– Которого МЫ создали, – поправил Юпитер. Его янтарные глаза обвели Совет. – Шелдон был не просто учёным. Он был архитектором. Он знает сеть лучше, чем любой из нас. И если он перешёл на сторону Хаоса... то он знает, как её разобрать.

Тишина повисла густая, тяжёлая. Даже Сириус перестал улыбаться.

Нексус, серебряный архонт, открыл глаза. Они были пусты, но его голос дрогнул.

– Данные подтверждают. В ядре сети есть аномальный протокол. Замаскированный под диагностический модуль. Он не отвечает на запросы. Он... спит.

– И Шелдон знает, как его разбудить, – закончил Юпитер. – Поэтому мы не можем просто убить его. Мы должны захватить. Извлечь информацию. А потом стереть так, чтобы не осталось ни нейрона.

– Клинки уже в пути, – сказал Кассиан. – Их приказ – ликвидация.

– Измените приказ, – потребовал Юпитер. – Приоритет – живой пленник. И подготовьте Крипту. Если Шелдон действительно захочет сдаться... мы примем его с распростёртыми объятиями. Прямо в самое сердце нашей силы.

Его губы растянулись в улыбке, лишённой тепла.

– Пусть придёт. Мы покажем ему, что такое настоящий контроль.

Внутри «Хаоса».

Решение было принято.

Шелдон стоял перед проекцией Сэма, его поза была прямой, но руки всё ещё дрожали.

– Они будут ждать меня, – сказал он. – Они знают, что я знаю. Это ловушка.

– Поэтому мы пойдём с тобой. – ответил Хаос.

– Невозможно, – покачал головой Шелдон. – Эдем-Прайм защищён лучше, чем любая станция. Поля, флот, внутренние защитные системы...

– Мы не пойдём как армия, – перебила Вейл. Она подошла к голографической схеме Эдема, которую спроецировал из своих глубин «Хаос». – Мы пойдём как инфекция. Ты – носитель. А мы... мы будем тенью.

Она указала на схему.

– «Хаос» может отделить часть себя. Крошечный, незаметный фрагмент биомассы, замаскированный под обломок. Мы поместим в него следовой маячок и... меня.

Шелдон ахнул.

– Ты с ума сошла! Они обнаружат тебя в секунду!

– Нет, – возразила Вейл. – Потому что я не буду живой. Я буду в состоянии нейрогенной комы, с замедленным метаболизмом. Сканеры примут меня за труп. А когда ты активируешь вирус... я проснусь. И открою путь.

– Какой путь? – спросил Шелдон.

– Для него, – тихо сказала Вейл, глядя на Сэма.

Хаос колебался. Его форма сжалась, багровые жилы заструились быстрее.

– Риск слишком велик. Ты можешь умереть. Или стать Блаженной.

– Я уже была на грани, – ответила Вейл. Её голос был спокоен. – Когда я сканировала тебя в первые дни. Я чувствовала эхо сети, её шепот. Я почти утонула. Но сейчас... сейчас у меня есть гармония. Ты научил меня слушать хаос. Я смогу выстоять.

Сэм смотрел на них – на учёного, который сделал его монстром, и на учёную, которая стала его голосом в мире разума. Где-то в глубине его сознания дрожали два слабых сигнала: память о матери, которая пела ему колыбельные, и об отце, который учил его чинить сломанные терминалы.

«Мы шьём паутину, из которой не будет выхода.»

Но выход нашёлся. И он был страшнее любой паутины.

– Хорошо, – произнёс Хаос. – Мы попробуем. Но если что-то пойдёт не так... я сожгу Эдем-Прайм дотла. Даже если мне придётся сжечь себя вместе с ним.

Шелдон кивнул, понимая. Это была их ставка. Всё или ничего.

Внезапно голос Хаоса изменился, стал тише, почти человеческим.

– Шелдон, – сказал Сэм. – Если ты встретишь там моих родителей... скажи им... что их сын жив. И что он борется.

Шелдон сглотнул комок в горле. Он не мог обещать. Он мог только кивнуть.

Где-то на окраине системы, в холодной пустоте, Стерилизатор Садовников заканчивал ремонт. Трещины на его поверхности затягивались, геометрические узоры вспыхивали с новой силой. Ткачи Бездны уже вошли в реальность сектора, невидимые, как сон.

А на Эдеме-Прайм Архонт Юпитер смотрел в огромное окно на искусственное море и думал о паутине, о ножницах и о том, что иногда, чтобы сохранить порядок, нужно позволить войти хаосу.

Хотя бы на мгновение.

Глава 2

Корабль Клинков был хищником, вырезанным из чёрного хитина и холодного полированного сплава. Он носил название «Серп» и двигался бесшумно, поглощая собственное излучение. На его борту находился отряд «Резец» – двенадцать биомодифицированных солдат в обтекаемых бронескафандрах цвета запёкшейся крови. Их шлемы были лишены лиц, только тёмная тиснёная эмблема Синдиката на лбу. Они не разговаривали. Они общались через прямую нейросеть, мысленные команды пробежали со скоростью боли.

Капитан отряда, обозначенный как Резец-01, наблюдал за целью. «Хаос» висел неподвижно, как гниющая планета. Сенсоры «Серпа» скользили по его израненной поверхности, фиксируя аномальные энергетические всплески, биологическую активность, слабые тепловые сигналы – выживших.

Приказ обновлён, – прозвучало в общем канале. Голос был безликим, синтезированным, но за ним угадывалась воля самого Совета. Цель: доктор Элиас Шелдон. Статус: живой пленник. Второстепенная цель: доктор Айрис Вейл. Статус: желательно жива. Все остальные объекты в зоне контроля «Хаоса» – подлежат нейтрализации. Метод: избирательный нейролитический вирус «Молчание».

Резец-01 мысленно подтвердил приказ. Его собственная модификация включала подавленные центры эмпатии и усиленные тактические модули. Он видел в «Хаосе» не чудовище, а сложную цель. Уязвимость. Инженерное сооружение, которое можно разобрать. Подготовить шлюз. Десантная группа: я, 03, 07, 09. Остальные – прикрытие и контроль заражения.

«Серп» выпустил четыре тёмные капсулы, которые бесшумно растворились в бликах звёздного света на поверхности Левиафана. Они не пробивали броню – они впитывались, как капли воды в губку, используя естественные поры и трещины в биологической броне «Хаоса».

Внутри кармана стабильности Шелдон заканчивал приготовления. Он снял свой потрёпанный белый костюм биозащиты и облачился в простой комбинезон из серой ткани, найденный в развалинах лаборатории Фабrikатора. Он выглядел как любой техник-пыльник. Неприметно. Сломанно.

– Передатчик вшит в левый моляр, – сказала Вейл, проверяя сканером. – Он активируется троекратным нажатием языком на корень. Сигнал будет слабым, но «Хаос» сможет его уловить. Если, конечно, они не выбьют тебе зубы первым делом.

– Обнадёживающе, – сухо отозвался Шелдон. – А твой статус?

Вейл лёгкой походкой подошла к странному образованию на стене – небольшому кокону из прозрачной биоплёнки, внутри которого пульсировала капля багровой субстанции, смешанной с золотистыми нитями.

– Биомасса «Хаоса» стабилизирована. Ядро связи – здесь, – она ткнула пальцем в свой висок. – Нейрогенная кома будет смоделирована по образцу состояния Блаженных, но с сохранённым ментальным якорем: резонансная частота Певцов. Я должна проснуться, когда услышу «Симфонию».

– Если услышишь, – поправил Шелдон. Он смотрел на неё, и в его взгляде было нечто новое – не научный интерес, а тревога. Старая, почти человеческая тревога. – Айрис... ты можешь не вернуться.

Впервые за всё время Вейл улыбнулась. Это была не та холодная, расчётливая улыбка учёного, а что-то хрупкое, почти девичье.

– Мы все можем не вернуться, Элиас. Но это первый раз, когда я чувствую, что рискую ради чего-то, а не просто наблюдаю.

Хаос наблюдал за ними, его сознание было разлито по всему объёму кармана. Он чувствовал приближение чужих – холодных, острых, как скальпели, сигналов. Клинки. Их было четверо. Они уже внутри. Пробираются по артериям, как паразиты.

– Они здесь, – прозвучал его голос, и свет в кармане притушился, сменившись аварийным багровым свечением. – У тебя мало времени, Шелдон.

– Как запланировано, – кивнул учёный. Он взял искореженный обломок трубы – жалкое подобие оружия. – Веди их ко мне. Но... пощади Вейл. Спрячь её.

– Она уже спрятана, – ответил Хаос. Кокон с багровой субстанцией и телом Вейл отслоился от стены и медленно погрузился в живую плоть пола, как камень в воду. – Удачи, Архитектор.

Шелдон сделал глубокий вдох и шагнул в пульсирующий коридор, ведущий к внешним слоям «Хаоса». Он шёл навстречу своей старой жизни. И, возможно, смерти.

Первый контакт произошёл в гигантской полости, напоминавшей желудочек сердца. Стенки ритмично сжимались, перекачивая густую, светящуюся лимфу. Резец-01 заметил одинокую фигуру первым. Его нейросеть мгновенно дала идентификацию: Шелдон, Элиас. Целевой объект. Уровень угрозы: низкий. Физическое состояние: ослабленное. Рекомендация: захват.

Четверо Клинков вышли из тени, окружая Шелдона бесшумным полукругом. Их оружие – не бластеры, а эмиттеры, похожие на сплюснутых морских существ, – было направлено на него.

– Доктор Шелдон, – синтезированный голос Резца-01 был лишён интонаций. – Вы сдаётесь Совету Синдиката.

Это был не вопрос. Шелдон опустил свой жалкий обломок трубы. Он поднял руки, и его лицо выражало не страх, а странную усталую покорность.

– Да. Я сдаюсь. Отведите меня к Юпитеру. У меня есть... информация.

– Вас доставят, – ответил Резец-01. Он сделал шаг вперёд, и из его перчатки выстрелил тонкий шип, вонзившийся Шелдону в шею. Быстродействующий нейропаралитик. Мир поплыл перед глазами учёного, звуки стали глухими, ноги подкосились.

Последнее, что он увидел перед тем, как погрузиться в темноту, было лёгкое движение на стене позади Клинков. Трещина, из которой сочился золотистый свет. И тихий, почти неосознаваемый шёпот, похожий на отдалённое пение.

На борту «Серпа».

Шелдон пришёл в себя в белой, стерильной камере. Его тело было пристёгнуто к столу, но не грубо – с медицинской точностью. Над ним склонилась фигура в белом халате с эмблемой Синдиката. Техник-биолог с пустым лицом проверял его показатели.

– Где... – попытался говорить Шелдон, но язык заплетался.

– Вы на борту корабля обеспечения «Сerp», – монотонно ответил техник. – Вас готовят к передаче на Эдем-Прайм. Нейросканирование показало наличие имплантированного передатчика. Он был извлечён.

Извлечён. Значит, связь с «Хаосом» потеряна. Шелдон закрыл глаза, мысленно повторяя ритм. Тот самый ритм, который он сочинил полвека назад, сидя перед первым работающим узлом сети. Ритм «Симфонии Распада». Он был зашит не в зубе. Он был зашит в самом паттерне его мозговых волн, в уникальной нейронной гармонике, которую невозможно скопировать, не разрушив носитель.

Дверь открылась. Вошёл Резец-01, его кроваво-кратный скафандр контрастировал с белизной камеры.

– Ваш запрос принят, – произнёс синтезированный голос. – Архонт Юпитер согласен на личную аудиенцию. Мы на подлёте к Эдему-Прайм.

– Спасибо, – хрипло сказал Шелдон. Он попытался сесть, и техник молча ослабил ремни. – А... доктор Вейл?

– Объект Вейл не был обнаружен, – ответил Резец-01. – Поиски продолжаются. Но теперь это не ваша забота, доктор.

Не обнаружена. Значит, часть плана сработала. Шелдон почувствовал слабый, иррациональный прилив надежды. Он посмотрел в иллюминатор, в который упирался его стол. На чёрном бархате космоса загорался драгоценный огонёк. Эдем-Прайм. Город богов, построенный на костях пыльников.

Он приближался к сердцу паутины. И паук уже ждал.

Внутри «Хаоса». Карман стабильности.

Сознание Сэма было разделено. Часть его следила за угасающим сигналом Шелдона, часть – за спящей Вейл, погружённой в его плоть. Но самая острая, самая болезненная часть была прикована к двум слабым сигналам, которые он наконец локализовал.

Они были в глубине. В самом старом, самом повреждённом секторе, который когда-то был ангаром Дельта. Там, куда не доходил свет, где воздух был густым от спор и разложения. Там, в темноте, двигались две фигуры.

Сэм сконцентрировался, направив туда часть своего восприятия. Он не осмеливался послать щупальца – слишком хрупко. Вместо этого он стал тенью на стене, шепотом в трубах, лёгким теплом в промозглом воздухе.

Он увидел их.

Марта и Келл Реннер больше не были людьми. Но они и не были Блаженными. Мутация, вызванная полем Хаоса и вирусом БР, изменила их. Кожа стала серой, покрытой тонкими, перламутровыми чешуйками. Глаза утратили белок, став огромными, чёрными, как у глубоководных существ. Их конечности были удлинены, пальцы срослись, образовав подобие ласт. Они передвигались не ходьбой, а плавными, волнообразными движениями, будто в невесомости, которой тут не было.

Но они были вместе. Они держались за руки – вернее, за сросшиеся ладони. И они что-то делали. На полу, из обломков биошлака и собственных выделений, они строили... что-то. Бесформенную скульптуру, отдалённо напоминавшую дом. Дом из воспоминаний.

Сэм наблюдал, и в нём бушевала буря. Отчаяние. Жалость. Ярость. Любовь. Он хотел закричать, обнять их, вернуть им себя. Но он боялся. Боялся, что его прикосновение, его голос, его чудовищность окончательно разорвут хрупкую нить того, что они ещё помнили.

Вдруг Марта остановилась. Она медленно подняла свою странную голову и уставилась прямо в то место, где висел ментальный взгляд Сэма. Её чёрные глаза казались бездонными. И Сэм почувствовал – не мысль, не образ, а ощущение. Тёплое, знакомое, как запах старого пледа. Безопасность.

Затем её губы дрогнули. Из горла вырвался звук. Не слово. Мелодия. Обрывок колыбельной, которую она пела маленькому Сэму. Искажённый, хриплый, но узнаваемый.

Келл присоединился. Его голос был ниже, грубее, но он пытался повторить мотив. Они пели дуэтом. Двумя голосами в крошечной тьме. Для того, кого чувствовали, но не видели.

Сэм не мог плакать. У него не было слёзных желез. Но всё его существо содрогнулось от волны чистой, нефilterованной эмоции.

Они помнили. Не его имя. Не его лицо. Но они помнили любовь. И эта память оказалась сильнее лоботомии, сильнее мутации, сильнее всей машинерии Синдиката.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.